

А. П. Старшова

Особенности «чтения» текста города: скульптура в Ярославле

Статья является одним из вариантов интегративного подхода к одному из важнейших российских культурных феноменов – историческому провинциальному городу как хранителю памяти и антропологической детерминанте национальной ментальности. В культурологическом ракурсе автор обращается к текстам культуры городского пространства, выявляя их структурно-функциональную значимость. Мы обращаем свое внимание на визуальные доминанты, характеризующие исторический центр города Ярославля как центр административной, политической, торговой и культурной жизни; как организацию пространства, влияющую на формирование идентичности горожан; как репрезентант национальной и региональной культуры. Эмпирический материал исследования составляют скульптурные памятники Ярославля, выбранные в аспекте взаимодействия личности – культуры – политики и истории.

Ключевые слова: антропоцентризм, визуальная доминанта, город как текст, городское пространство, контекстуальные связи, семантическая характеристика, бренд, идентификация, культурная политика.

A. P. Starshova

Features of «Reading» Text of the City: a Sculpture in Yaroslavl

The article is one of variants of the integrative approach to one of the most important Russian cultural phenomena – a historical provincial city as a guardian of memory and anthropological determinant of national mentality. In a cultural perspective, the author refers to the texts of the culture of urban space, revealing their structural and functional significance. We draw your attention to the visual dominants characterizing the historic city of Yaroslavl center as the center of administrative, political, commercial and cultural life; as organization of space, affecting the formation of identity of citizens; as a representant of the national and regional culture. The empirical research material is sculptural monuments of Yaroslavl, selected in the aspect of the interaction of personality – culture – politics and history.

Keywords: anthropocentrism, visual dominant, city as a text, urban space, contextual communications, semantic characteristic, brand, identity, cultural politics.

Статья «Визуальные доминанты центра Ярославля: история-культура-политика» является продолжением интегративного подхода к одному из важнейших российских культурных феноменов – историческому провинциальному городу как хранителю памяти. Данный ракурс был реализован в различных материалах последних лет, а именно в статьях «Персоналогический подход в исследовании бренда города (на материале конкурса на бренд г. Ярославля 2012 г.), «Стрелка как текст», «Антропоцентризм как визуальная доминанта исторического центра Ярославля», «Архетипическая интерпретация визуальной доминанты города Ярославля».

Безусловно, в названии статьи (особенно учитывая философско-культурологический вектор конференции) явно не хватает еще одного понятия, а именно – понятия «человек»: человек – история – культура – политика.

Научное воплощение принципа антропоцентризма представлено во многих социально-гуманитарных дисциплинах. В настоящее время актуальна целесообразность внимания к таким

конструкциям в культурном поле, которые исходят от самого человека. Человек как субъект соотносится прежде всего с окружающим природным миром, затем с окружающим социальным миром, затем с каждым индивидуумом и, наконец, с самим собой (самопознание)» [2, с. 86–87].

Своеобразная «эпоха антропоцентризма» сопровождается падением интереса человека к традиционным каналам коммуникации. Отмечаем, что в современном социокультурном пространстве именно феномен визуального рассматривается как основная стратегия культуры XXI в.

И именно визуальное стало для нас отправной точкой при исследовании.

В культурологическом ракурсе мы обращаемся к текстам культуры городского пространства, выявляя их структурно-функциональную значимость. Данный вид анализа предполагает рассмотрение того, как и на каких уровнях сегодня происходит презентация текстов культуры в условиях абсолютного доминирования визуального. «При «чтении» «городского текста» внимательный, цепкий взгляд человека (зачастую даже

подсознательно) обнаруживает аналогии, «зацепки», ассоциативные связи, в первую очередь, руководствуясь принципами именно антропоцентризма. Человек, как и город, есть реальность и изображение одновременно. Такими доминантными точками соприкосновения в заявленном визуальном диалоге «человек-городской текст» в нашем исследовании являются антропоморфные изображения в городской среде» [5, с. 355].

В современной культурологической практике широко используются работы об индивидуальной специфике городского пространства, о возможности рассмотрения города как сверхтекста. Это прежде всего работы М. Ю. Лотмана [4] и В. Н. Топорова [7].

Мы обращаем свое внимание на визуальные антропоцентрические доминанты, характеризующие исторический центр города Ярославля как центр административной, политической, торговой и культурной жизни; как организацию пространства, влияющую на формирование идентичности горожан; как репрезентант национальной и региональной культуры и политики. Визуальные тексты городского пространства выступают в роли репрезентанта людей, проживающих в нем. Города с первого момента их возникновения были пространственными точками, несущими огромную нагрузку, не только функциональную, но и смысловую. Проблема самоидентификации представляет один из вариантов интегративного подхода к одному из важнейших российских культурных феноменов – историческому провинциальному городу как хранителю памяти и антропологической детерминанте национальной ментальности [1].

Анализируя существующие подходы к выделению и определению «доминанты городской среды», кроме принципа антропоцентризма, в первую очередь, выделяем визуальную значимость объекта. Коммуникативные возможности визуальной доминанты включают три основных характеристики доминирования: визуально-психологическое, архитектурно-художественное и социально-функциональное. Им соответствуют следующие термины: ориентир, акцент и важный городской объект. Смысловыми связями между выявленными характеристиками выступают смысл, пространство и образ.

В данной статье у меня нет цели подвергать рассмотрению все объекты, достойные внимания в заявленном ракурсе исследования. Было отобрано несколько примеров визуального ряда,

скульптурного, в котором доминирует изображение человека, реализуется принцип антропоцентризма в визуальном ряде, формирующем историческую часть Ярославля – зону ЮНЕСКО.

Первый памятник, о котором пойдет речь, – скульптурная композиция «Троица» (скульптор Н. Мухин). Композиция установлена на Стрелке в 1995 г. Данный памятник ярко демонстрирует не только код скульптуры как вида искусства, но и код культуры, код социальный, код идеологический...

Сейчас не хотелось бы делать акцент на истории установки скульптурного памятника, на обсуждениях, связанных с разрушением религиозного канона, на принципиальной неизобразимости Бога в трехмерном пространстве.

Мне принципиально важно отметить, что «Троица» Н. Мухина – это своеобразный символ эпохи первой половины 90-х гг. И если за 10 лет начала советской власти наша страна из глубоко религиозной «превратилась» в глубоко атеистическую, то в 90-х процесс пошел в обратном направлении и с той же чудовищной скоростью. В политике, культуре стало модным демонстрировать знаки духовности, религиозности... Я полагаю, что в наше время установку такого типа памятника мы бы даже не заметили.

С одной стороны, при оценке прагматических отношений возникает ситуация, когда мы выбор среды можем связывать со стремлением к преодолению (иногда = разрушению) канона как доказательства развития культуры, где объект становится символом хронотопа. Так, Андрей Рублев в своей «Троице» выходит за рамки буквального прочтения и создает образ глубоко символический. Прагматическая задача Андрея Рублева и Николая Мухина, на мой взгляд, служит для достижения одной цели – через созерцание образа Троицы к формированию духовной жизни, преображению России, к духовному возрождению, единению, ибо время создания образа новозаветной Троицы связано с ситуацией преобразования хронотопа. Это и «рубежное» время начала XV в. и 90-е гг. XX в. в России.

Интересным представляется тот факт, что памятник, установленный на месте уничтоженного в 1931 г. Успенского собора, задумывался автором в 90-е гг. XX в. как «молитва» о возрождении утраченного храма, как знак собора.

Такая интерпретация допускает, особенно с учетом восстановленного относительно недавно на этом месте Успенского собора, понимание знаковой сущности объекта в контексте восприя-

тия символики здания храма как престола. Тогда все пространство вокруг храма приобретает священную коннотацию, куда органично вписывается пространственно-скульптурная композиция древнерусской иконы. Органично, если не задумываться, что скульптура находится на юго-западе от собора, а место престола и, следовательно, алтарной части, как известно, на востоке.

С другой стороны, сегодня рядом с отстроенным собором такая иконописная цитата выглядит довольно нелепо, ибо контекст восприятия скульптурной композиции связан с языком городской среды.

И мы наблюдаем «сбой» в ситуации семиозиса, так как обозначаемое для большинства участников прагматических отношений недоступно или доступно в другой знаковой сущности (= религиозной скульптуре в городской среде как знак историко-культурной среды города). Это не мешает воспринимать скульптуру Н. Мухина в контексте языческих кодов (например, элементы жертвоприношений – ритуал «бросания» денег в жертвенную чашу), в контексте кодов массовой культуры (например, фотографии на фоне скульптуры и даже сидя в чаше).

Второй памятник, выбранный для анализа, – памятник Ярославу Мудрому (скульптор О. Комов и архитекторы Н. И. Комова и А. Р. Бобович), время установки опять 90-е гг. XX в. Время, когда возможно все, важно – зачем.

Памятник установлен на площади Богоявления, тогда площадь носила имя революционного деятеля Подбельского.

С памятником основателю города Ярославля в Ярославле вообще как-то не складывается. Напомню, что в начале XIX в. в Ярославле уже был установлен памятник Ярославу Мудрому: «каменный, пирамидный, стоящий в овраге». Однако, по указанию императора Николая I он был убран как не соответствующий своему значению. Позже, в начале XX в., вновь начались разговоры о том, чтобы установить новый памятник, но в итоге деньги были потрачены на празднование юбилея дома Романовых [8].

Вот тут ярославцам и «обидеться» бы, что опять московские государственные ценности оказались важнее провинциальных, но было принято решение установить памятник именно на центральной площади (не на Стрелке, где был заложен первый камень в строительство города, не в Медведицком овраге, где по легенде состоялся поединок между Ярославом и медведицей). Скульптурный Ярослав Мудрый как будто

встречает гостей города, прибывших со стороны нашей столицы, тем самым демонстрируя тесные связи Ярославля с ней.

Напомню, это в 90-х гг. Сегодня, в 2000-х, правила «игры» между столицей и провинциальным Ярославлем несколько изменились.

Так, анализируя в 2012 г. персонотексты, предоставленные на конкурс материалов на бренд г. Ярославля, мы отмечаем группу слоганов, связанную с образом города в контексте страны и с образом города на мировой арене [6].

Примеры слоганов, в которых формируется образ взаимодействия на уровне Ярославль – Россия:

Ярославль – душа России
 Самый российский город – Ярославль
 Я Россию славлю!
 В центре России – в центре бизнеса
 Ярославль. Русская правда
 Для тех, кто слишком смел для Москвы!
 Ярославль – город русского Возрождения
 Ярославль – родина русской демократии
 Ярославль – настоящая столица Поволжья
 Ярославль – город-государственник
 Ярославль – Главный!

Слоганы, в которых проявляется позиционирование Ярославля на мировой арене:

Ярославль – Париж на Волге
 Ярославль – зеркало Европы
 Ярославль – зеркало мира
 Ярославль – лучший город на Земле
 Ярославово подворье – древнейший город мира, столица Золотой Орды

В данных персонотекстах нет и намека на уничижительный оттенок отсталости, а удаленность от центров цивилизации воспринимается как достоинство. Формируется представление об определенном культурном пространстве, которое воспринимается как потенциал для развития государства, локальных культурных центров, бизнеса. Да, здесь много субъективности, много местной мифологии, гипертрофированности. С одной стороны, интуитивная тяга к сохранению своего, родного, а с другой – желание «присвоить» себе «другие берега». Интересно, что создавая в Ярославле образ «своей» Европы и даже «своего» мира в целом, ярославцы стремятся отгородиться от московского, столичного.

В связи с этим отмечаем повышение градуса ироничного отношения ярославцев к данному «простоличному» образу Ярослава Мудрого.

Когда в 2015 г. правлением Городского фонда содействия развитию Ярославля было принято решение о проведении конкурса дизайн-проектов по благоустройству площади Богоявления, 1 этап выиграл проект Круглова, Киселева, Тихонова, где скульптурное изображение Красного коня является визуальной доминантой площади. Цитирую из пояснительной записки авторов проекта: «Конь символизирует интеллект, мудрость, свет, динамическую силу, проворство, быстроту мысли, бег времени. Конь – это символ верности и в то же время – неукротимой свободы, бесстрашия, воинской доблести и славы. Красный – как синоним красоты. А дальше забавно... Конь может стать завершающим звеном в истории об основании Ярославля. Медведь есть, Ярослав есть, а вот его верного коня нет». От себя добавим, что красный цвет связан с архетипом огня, а огонь символизирует бесконечную подвижность формы и непостоянство. Будучи силой, способной разрушить любые формы, но вместе с тем принести ощущение и обновление, огонь становится символом преобразования и обновления.

Еще один памятник, выбранный в аспекте взаимодействия личности – культуры – политики и истории, – памятник Александру II в сквере на Мукомольном переулке.

Визуальной доминантой Дмитриевского сквера является Церковь Димитрия Солунского. В 2015 г. здесь был установлен памятник Александру II. Возникает вопрос: зачем ярославскому району нужны два памятника Александру? Один уже есть в селе Вятское. Ожидалось, что на этом месте появится скульптурное изображение купца. Парадоксально, но город, который позиционирует себя как купеческий, игнорирует купца и промышленника в своей визуальной антропоцентрической доминанте. По разработанному проекту на этом месте мог находиться памятник «Предпринимателям-меценатам и благотворителям Ярославской земли», однако в последний момент решение было пересмотрено. Настораживает еще одна тенденция: скульптурные композиции появляются в последнее время спонтанно и по воле узкопрофессиональных сообществ. Установка памятника в данном месте не имеет никакой исторической, социальной или культурной связи ни с местом, ни с городом. Памятник императору Александру II установлен в честь ознаменования 150-летней годовщины со дня

основания в бывшей империи созданного им государственного института судебных приставов по частной инициативе этих самых, но уже нынешних судебных приставов.

Памятник установили совершенно безграмотно и со скульптурной, и с коммуникативной (чтение текста города) точки зрения – спиной к зрителям. Здесь вообще нет ни одного ответа на вопросы: почему Александр II? Почему здесь? Почему такой ракурс? На кого смотрит? Кто смотрит на него? С кем осуществляется коммуникация? Случайные деньги, случайные желания и результат вызывающий удивление долгое время.

В Ярославле нет специального положения и регламентирующего документа, поэтому памятники растут как грибы. Необоснованная установка объектов монументального искусства в историческом центре уже сказывается негативно на культурно-исторической среде города.

Культура города является интерактивным полем, где человек воплощает собственный потенциал, расширяет ресурсные возможности, создавая для себя все новые социальные и культурные практики.

По мысли Ю. М. Лотмана, человек, погруженный в культурное пространство, неизбежно создает вокруг себя организованную пространственно-временную среду, где пространство существует, наделяется жизненным ритмом в силу взаимной соотнесенности наполняющих его 5 вещей. Человек, находясь в нем, «сканирует» окружающее пространство и «читает» его по вещным знакам [4].

Что сканируют о нас наши потомки...

Библиографический список

1. Злотникова, Т. С., Фролова, А. В. «Человек мас-сы» в современном городе [Текст] / Т. С. Злотникова, А. В. Фролова // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 3. – С. 232–240.
2. Исторический город русской провинции как культурный универсум [Текст]: учебное пособие / науч. ред. Т. С. Злотникова, М. В. Новиков, Н. А. Дидковская, Т. И. Ерохина. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2010. – 536 с.
3. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке [Текст] / Г. В. Колшанский. – М.: КомКнига, 2006. – 108 с.
4. Лотман, Ю. М. Избранные статьи [Текст]: в 3 т. Т. 2. Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю. М. Лотман. – Таллин: Александра, 1992. – 480 с.

5. Старшова, А. П. Антропоцентризм визуальной доминанты исторического центра Ярославля [Текст] / А. П. Старшова // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 6. – С. 355–359.

6. Старшова, А. П. Персонологический подход в исследовании бренда города (на материале конкурса на бренд г. Ярославля 2012 г.) [Текст] / А. П. Старшова // Вопросы культурологии. Научно-практический и методический журнал. – 2013. – № 7. – С. 25–32.

7. Топоров, В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» [Текст] / В. Н. Топоров // Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – С. 259–367.

8. Памятник Ярославу Мудрому [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.101hotels.ru/main/cities/yaroslavl/points/monuments/yaroslavu_mudromu (Проверено: 03.08.16)

Библиографический список

1. Zlotnikova, T. S., Frolova, A. V. «Chelovek massy» v sovremennom gorode [Текст] / T. S. Zlotnikova, A. V. Frolova // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. – 2015. – № 3. – С. 232–240.

2. Istoricheskiy gorod russkoj provincii kak kul'turnyj universum [Текст]: uchebnoe posobie / nauch. red.

T. S. Zlotnikova, M. V. Novikov, N. A. Didkovskaja, T. I. Erohina. – Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2010. – 536 s.

3. Kolshanskij, G. V. Ob#ektivnaja kartina mira v poznanii i jazyke [Текст] / G. V. Kolshanskij. – М.: KomKniga, 2006. – 108 s.

4. Lotman, Ju. M. Izbrannye stat'i [Текст] : v 3 t. T. 2. Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda / Ju. M. Lotman. – Tallin : Aleksandra, 1992. – 480 s.

5. Starshova, A. P. Antropocentriзм vizual'noj dominyanty istoričeskogo centra Jaroslavlja [Текст] / A. P. Starshova // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. – 2015. – № 6. – С. 355–359.

6. Starshova, A. P. Personologičeskij podhod v issledovanii brenda goroda (na materiale konkursa na brend g. Jaroslavlja 2012 g.) [Текст] / A. P. Starshova // Voprosy kul'turologii. Nauchno-praktičeskij i metodičeskij zhurnal. – 2013. – № 7. – С. 25–32.

7. Toporov, V. N. Peterburg i «Peterburgskij tekst russkoj literatury» [Текст] / V. N. Toporov // Mif. Ritual. Simvol. Образ: Issledovanija v oblasti mifopojeticheskogo: Izbrannoe. – М.: Izdatel'skaja gruppy «Progress» – «Kul'tura», 1995. – С. 259–367.

8. Pamjatnik Jaroslavu Mudromu [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.101hotels.ru/main/cities/yaroslavl/points/monuments/yaroslavu_mudromu (Provereno: 03.08.16)